

Н. А. Лейкинъ.

n. a. Leikin

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ.

(Издание второе, дополненное).

СОДЕРЖАНИЕ:

Привыкать надо!!!!.. — Медаль. — На случай
несостоятельности. — Имянины въ уголь. —
Портретъ. — Петербургскій Фигаро.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Нотомина, у Обуховскаго моста, д. № 93.

1880.

Slav 4346.2.11.

Harvard College Library
Gift of
Archibald Cary Coolidge, Ph. D.
July 1, 1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го декабря 1879 года.

7668-22
49

ПРИВЫКАТЬ НАДО!!!...

ШУТОЧНЫЯ СЦЕНЫ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Данило Ивановичъ Брыкаловъ, молодой купчикъ, торгующій краснымъ товаромъ, 24 лѣтъ.

Агаша, его сестра, 20 лѣтъ.

Викуловна, старая нянька Брыкаловыхъ.

Акимъ Саватьичъ Саватьевъ, купецъ, торгующій военными вещами, сосѣдъ

Брыкалова по лавкѣ, вдовецъ, 50 лѣтъ.

Дергачевъ, отставной барабанщикъ, живущій въ домѣ Брыкалова.

Николай Никаноровъ. } Приказчики Брыкалова, молодые парни.
Василій Свистковъ. }

Анисья, лавочный мальчикъ Брыкалова.

Лавочные приказчики.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ Ямской, въ собственномъ домѣ Брыкалова.

Театръ представляет гостиную въ домѣ Брыкалова. Одна дверь въ серединѣ, дверь на право и окно на право. Старая краснаго дерева мебель. У средней двери виситъ большой колоколъ, какой обыкновенно вѣшаютъ на гауптвахтахъ и стоитъ барабанъ въ козлахъ; по стульямъ у стѣны разложены: кирасирскія латы, сабля и мѣдная каска. У двери на право виситъ прикрѣпленный къ стѣнѣ красный флагъ. При поднятіи занавѣса, Агаша сидитъ на диванѣ у стола и что-то шьетъ; около нея помѣщается Викуловна и гадаетъ на картахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаша и Викуловна.

ВИКУЛОВНА (*раскладывая карты*).

И мать, какъ тебя марьяжными-то картами завалило! Направо марьяжъ, на лѣво марьяжъ. Куда ни взгляни — вездѣ марьяжъ. А вотъ и самъ женишокъ, миленькій дружокъ, спѣшить по долгой дороженькѣ.

АГАША.

Да и какъ же не спѣшить-то, няня? Уѣхалъ въ свое мѣсто на двѣ недѣли, только попросить у своей матери благословенія на женитьбу, а пробылъ больше двухъ мѣсяцевъ. Пишетъ, что дѣла задержали. Раздѣлъ тамъ у нихъ какой-то послѣ смерти дяди: дѣлать домъ и землю. Конечно, деньги достанутся не Богъ вѣсть какія, а все же деньги. Ты сама знаешь: у него вѣдь ни кругомъ, ни около.

ВИКУЛОВНА.

Вотъ это-то и жалко, Агашенька, это-то и обидно. Кабы этому человѣку капиталы да лавку съ товаромъ до верху, такъ

былъ бы онъ женишокъ хоть для первостатейной купчихи. И не пьющій, и не буйнъ, и дѣвушекъ не обижаетъ.

АГАША.

Ну, что няня! Николай Никанорычъ старательный, самъ наживаетъ капиталъ. За мной пять тысячъ. Отдамъ ему ихъ,— вотъ на нихъ онъ и откроетъ лавку и будетъ торговать. Что-жъ, что не богатъ? За то я его знаю съ малыхъ лѣтъ. У покойника папеньки онъ пять лѣтъ приказчикомъ выжилъ, да вотъ у брата два года живетъ. А ужъ какъ онъ меня любитъ, няня, и какъ это все хорошо въ письмѣ изображаетъ, такъ просто чудо! Хочешь прочту письмо?

ВИКУЛОВНА.

Читай, читай! Самой-то, видно, тебѣ пидулку-то эту прочитать хочется?

АГАША (*доставая изъ кармана письмо*).

Ну вотъ, самой хочется! Сама-то ужъ я ее разъ сто прочтала; даже наизусть выучила. Хочешь наизусть прочту! (*Кладетъ письмо на столъ, прикрываетъ его ладонью и читаетъ наизусть*). „Дражайшая любовь сердца моего, Агафья Ивановна! Въ первыхъ сихъ строкахъ извѣщаю васъ, что я живъ и здоровъ тѣлесно, но нездоровъ сердцемъ. Сердце мое не на мѣстѣ, и день и ночь страдаетъ объ васъ, не видавшись съ вами. Лишь только заведу глаза, какъ вы стоите передо мной. Пойду въ поле прохладиться, дабы до своего свиданія забыть объ васъ, но и тамъ, вѣсто вѣтра, слышу вашъ голосъ. Воркуютъ-ли голуби на кровлѣ нашей хижины и это напоминаетъ васъ. Что-то вы подѣлываете, ясная голубица, и такую-ли питаете ко мнѣ любовь, какъ я къ вамъ? Я питаю къ вамъ

небесную любовь и каждый разъ, какъ вспомню объ васъ, кроплю мою одинокую подушку слезами. И увѣдомляю васъ, что раздѣлъ мы кончили, и на мою долю пришлось четыреста рублей, а также и маменька моя на бракъ съ вами благословила, но сама на свадьбу не ѣдетъ, такъ какъ стара стала и даже чулки вязеть оцущью. Послѣ завтра я выѣзжаю и въ воскресенье буду у васъ въ Петербургѣ и лежать у ногъ вашихъ. Дети письмо туда, это приметъ безъ труда. Цалую ваши ручки и остаюсь влюбленный въ васъ Николай Никаноровъ“. Ну что, хорошо?

ВИКУЛОНА (*сквозь слезы*).

Молодецъ! Сладко пишеть, очень сладко!

АГАША.

Вѣдь сегодня у насъ, няня, воскресенье. Сегодня Николай-то Никанорычъ прїѣдетъ. Я нарочно никому не сказывала, чтобъ сюрпризомъ... Сегодня онъ прїѣдетъ, а въ будущее воскресенье у насъ свадьба. Чего ждать-то? Все готово, даже и въ церкви окликали. Еще до его отъѣзда окликали. Потому онъ тогда хотѣлъ сначала жениться на мнѣ, а потомъ и ѣхать со мной вмѣстѣ въ свое мѣсто. Да вдругъ побоялся, что у маменьки благословенія не попросилъ, ну и поѣхалъ за благословеніемъ, а свадьбу отложили.

ВИКУЛОНА.

Помню, помню... Что ты мнѣ-то рассказываешь!

АГАША.

Вотъ какъ только теперь звонокъ, или кто къ воротамъ подъѣдетъ, такъ я своя не своя! Все думаю, что онъ.

ВИКУЛОВА.

Да вонъ никакъ кто-то подѣхалъ. Не онъ-ли?

АГАША (*подбѣгая къ окошку*).

Онъ, онъ! Какой запыленный и съ чемоданомъ. (*Бѣжитъ къ средней двери и кричитъ*). Марфа! Марфа! Николай прѣхалъ. Подсоби ему чемоданъ внести.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Николай Никаноровъ.

НИКОЛАЙ (*вбѣгаетъ въ среднія двери, одѣтый по дорожному*).

Агафья Ивановна! И узнать нельзя, какъ похорошѣли! (*беретъ ее за руки*).

АГАША.

Наконецъ-то вы прѣхали, Николай Никаноричъ, а ужъ я ждала, ждала! Всѣ глаза проглядѣла. Здравствуйте!

НИКОЛАЙ.

Здравствуйте! Только нешто такъ здороваются послѣ пяти недѣль разлуки?

АГАША.

А то какъ же?

НИКОЛАЙ.

Извѣстно какъ! Поцѣловаться надо, да не одинъ разъ.

АГАША.

Ахъ, что вы это? Это невозможно! Дѣ свадьбы нельзя.

ВИКУЛОВНА.

Ну, полно передо мной-то финтить! Цѣлуй, цѣлуй его. Потѣшь парня. Шутка-ли, сколько не видались!

АГАША.

Ну, хорошо, поцѣлуетесь; только одинъ разъ.

НИКОЛАЙ.

А ужъ тамъ видно будетъ сколько разъ! (*Обнимаетъ Агашу, цѣлуетъ ее разъ пять, потомъ подходитъ къ Викуловнѣ и также цѣлуется*).

АГАША.

Вотъ видите, какіе вы мужчины! Дозволь вамъ разъ, такъ вы своевољствомъ пять разъ лишнихъ прихватите.

НИКОЛАЙ.

Ничего-съ, послѣ свадьбы сочтемся! Данило Ивановичъ здоровы-ли?

АГАША.

Здоровъ-то здоровъ, только дурить очень.

НИКОЛАЙ.

То есть какъ это? Хмѣлемъ зашибаться стали, что-ли?

АГАША.

Нѣтъ, совсѣмъ другое. Пить-то онъ пьетъ, только не очень, а у него особаго рода дурь. Вотъ она разставлена и развѣшана. (*Указываетъ на барабанъ, латы и проч.*).

ВИКУЛОВНА.

Да, задалъ онъ намъ трезвону съ этой чертовой бочкой, прости Господи!

Н И К О Л А Й.

То есть, въ чемъ же дѣло-то? И для чего эти вещи тутъ?

А Г А Ш А.

А вотъ видите-ли: вѣдь онъ никогда ни книгъ, ни газетъ не читаетъ, а тутъ прочиталъ въ газетахъ, что всѣ до одинаго въ солдатахъ служить должны, да и у насъ по Ямской объ этомъ молва прошла, ну и задурилъ. Сначала-то было погорѣвалъ и крѣпко погорѣвалъ, а потомъ вдругъ разъ приходитъ изъ лавки домой, приноситъ саблю и ну ею махать. Пугаетъ насъ да и только! Спрашиваемъ: что съ нимъ? А онъ: привыкать, говорить, надо, привыкать, потому всѣ служить будемъ, всѣ солдаты. Послѣ сабли этой съ молодцами маршировать началъ. Такую игру затѣялъ, что бѣда! Каждый день придутъ изъ лавки, поставятъ въ углу закуску, водку и ну ее приступить брать! Одни охраняютъ, другіе наступаютъ. Разъ въ этой свалкѣ ему такъ отъ кого-то невзначай попалось, что и теперь съ синякомъ надъ глазомъ ходить. Ужъ пластыремъ залѣпилъ. И вѣдь не пронялся, а еще нуще сталъ. Вонъ латы и каску купилъ, да въ нихъ по вечерамъ и щеголяетъ. Коли, говоритъ, отъ кого попадетъ въ грудь и голову, такъ синяка не оставитъ. Барабанъ купилъ.

В И К У Л О В Н А.

Да, да, ужъ и смучилъ же онъ насъ этимъ барабаномъ! Какъ заиграетъ, такъ даже все сердце оборвется. Ну, да она тебѣ обо всемъ расскажетъ, а я пойду для тебя самоварчикъ поставлю. Съ дороги-то оно хорошо чайкомъ пораспариться. *(Уходитъ)*.

А Г А Ш А.

Барабанъ купилъ, ундера, что у насъ во флигелѣ живетъ

и сапоги шьеть, въ учителя себѣ нанялъ. Теперь этотъ ундеръ его лучший другъ сталъ. Каждое утро приходитъ къ намъ въ кухню, бьетъ въ барабанъ и будить всѣхъ. Да вѣдь съ самаго, что ни на есть съ позаранку... Пушку купилъ и въ саду было стрѣлять началъ, да сосѣди жаловались мировому, такъ тотъ оштрафовалъ его и стрѣлять запретилъ. По ночамъ тревогу дѣлаеть. Вдругъ зазвонитъ въ этотъ колоколь. И тогда ужъ всѣ вставай... Да что, всѣхъ его затѣи и не расскажешь! Сами увидите.

НИКОЛАЙ.

Ну, да Богъ съ нимъ! Пословица говорится: чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало, а мы поговоримте лучше о нашей свадьбѣ...

АГАША.

О свадьбѣ теперь только одинъ разговоръ можетъ быть, чтобы скорѣй вѣнчаться, потому братаецъ такой взбалмочный сдѣлался, что, чего Боже оборони, отдумаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Агаша, Николай Никаноровъ, Аниська, Дергачевъ и потомъ Брыкаловъ.

АНИСЬКА (вбѣгая).

Самъ пріѣхалъ! Самъ!... (Хватаетъ за веревку колокола и звонитъ. Вслѣдъ за звономъ вбѣгаетъ Дергачевъ, падаетъ на себя барабанъ и начинаетъ въ него бить. Во время барабаннаго боя входитъ Брыкаловъ, даетъ Дергачеву знакъ прекратить бой, останавливается посреди комнаты и важно смотритъ по сторонамъ. Одытъ онъ

по русски: въ сюртукъ до колѣнъ и дутые сапоги. На сапогахъ шпоры).

НИКОЛАЙ (Агашъ).

Что же это за представленія такія?

АГАША.

А вотъ это-то его затѣя и есть.

ДЕРГАЧЕВЪ (кладя барабанъ въ
козлы).

Барышисто ли торговать изволили, ваше степенство?

БРЫКАЛОВЪ.

Что торговля! Не о торговлѣ теперь думать нужно, а какъ бы къ солдатчинѣ привыкнуть.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Это точно, ваше степенство. Служба прежде всего.

БРЫКАЛОВЪ.

Въ которомъ часу ученъе назначено?

ДЕРГАЧЕВЪ.

Въ восемь часовъ, ваше степенство.

БРЫКАЛОВЪ.

Благодарю! Скажи стряпучѣ, пусть ужина не стряпаетъ. Сами въ саду будемъ кашу варить и ночь проведемъ тамъ же, на бивакахъ.

ДЕРГАЧЕВЪ.

Осмѣлюсь доложить, дождь идетъ, ваше степенство.

БРЫКАЛОВЪ.

Знаю. Привыкать надо, ко всему привыкать!

(Дергачевъ и Анисья уходятъ).

НИКОЛАЙ (*нѣсколько разъ порывавшійся подойти къ Брыкалову, подходитъ*).

Здравствуйте Данило Иванычъ! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

БРЫКАЛОВЪ.

А!... Никаноровъ, здорово! (*Цѣлуется съ нимъ*). Радъ, радъ! По крайности, нашего полка прибыло. Мы, братъ, здѣсь къ солдатчинѣ привыкаемъ. У насъ теперь все по военному. Чай слышалъ, что теперь ужъ никто не отвертится. Всѣ служить будутъ: и хозяева и приказчики, и купцы и мѣщане, и даже самъ городской голова. Кто куда годится: кто въ конницу, кто въ пѣхоту, кто во флотъ, а кто въ пожарную команду.

НИКОЛАЙ.

Это точно-съ. Въ наше мѣстѣ объ этомъ тоже молва шла и въ газетахъ пропечатано было. Только вѣдь, говорятъ, еще не скоро.

БРЫКАЛОВЪ.

Скоро-ли, не скоро-ли, а только всѣ служить должны, стало быть и привыкать надо. Я вотъ въ гусары думаю, а потому къ шпорахъ и привыкаю. Хорошо? (*Бранчитъ шпорами*).

НИКОЛАЙ.

То есть чтожъ тутъ хорошаго? Только громъ одинъ.

БРЫКАЛОВЪ.

Ну, да ты этого не понимаешь. Тебя, навѣрное, въ пѣхоту, потому у тебя лицо такое пѣхотное. Сегодня, вотъ, отдохнешь съ дороги, а завтра на ночь на часы, на голубятню.

НИКОЛАЙ.

То есть какъ на голубятню?

БРЫКАЛОВЪ.

А такъ, что у насъ теперь такое заведеніе, что каждую ночь кто-нибудь изъ молодцовъ на часахъ на голубятнѣ стоитъ. Это опять таки для того, чтобъ привыкать.

НИКОЛАЙ.

Что жъ, постоймъ, коли такое заведеніе есть.

АГАША.

Вы, Николай Никанорычъ, потеплѣе одѣньтесь. Я вамъ шарфъ гарусный на шею дамъ.

НИКОЛАЙ.

Я любовію согрѣтъ буду.

БРЫКАЛОВЪ.

Не любовію, любовь теперь по боку, а у насъ на это есть положеніе: косушка водки. (*Агашъ*). И тебѣ есть работа. Только смотри, чтобъ къ завтраму непременно готово было. (*Достаетъ изъ задняго кармана свертокъ и вынимаетъ оттуда три лоскутка: зеленый, желтый и красный и подаетъ Агашъ*). Вотъ эти три куска вмѣстѣ сошьешь. Это флагъ нашей роты будетъ. (*Николаю*). Знаешь, Никаноровъ, что я на немъ хочу изобразить? Хочу изобразить аршинъ, ножницы и кота. По крайности, понятно будетъ, что торговые люди.

НИКОЛАЙ.

Маменька моя вамъ, Данило Иванычъ, кланяться прика-зали. Онъ мнѣ дали свое благословеніе на бракъ съ Агафьей

Ивановой. Теперь мы, ни мало не медля, можем и за свадьбу...

БРЫКАЛОВЪ.

Какая свадьба! Нешто теперь кто женится? Теперь нужно къ солдатчинѣ привыкать, а онъ про свадьбу!

НИКОЛАЙ (*опышавъ*).

Какъ же, Данило Ивановичъ, вѣдь вы сами дали согласіе?..

АГАША.

Братецъ, что же это такое?!

БРЫКАЛОВЪ.

А то-же, что никогда этого не будетъ, чтобъ я тебя выдалъ за солдата. Да и самой, что за радость быть солдаткой! При тятенькѣ была купеческая дочь, при мнѣ теперь купеческая сестра, а то вдругъ выйдешь за мужъ и будешь солдатка.

АГАША.

Братецъ, какой же онъ солдатъ? У него ужъ года вышли. Вы газетъ не читаете. Тамъ сказано, что будутъ брать только тѣхъ, кому 21 или 22 года. Вы прочтите.

БРЫКАЛОВЪ.

Да, какъ же, стану я читать! Вонъ у насъ сосѣдъ: читалъ, читалъ да и дочитался, на цѣпь попалъ. Теперь сидитъ въ сумашедшемъ домѣ на цѣпи. Что мнѣ читать, коли я безъ того знаю, что всѣ служить должны. Теперь все по боку, и только одно: надо къ солдатчинѣ привыкать. (*Агаша садится на диванъ и плачетъ. Сзади ея становится Николай и тихонько утѣшаетъ ее*).